

ПИЛИГРИМ

что заставляет
людей менять
комфорт городов
на единение
с природой?

A person in a dark jacket and red hood stands on a wet, reflective beach, looking out at a large wave crashing against a concrete pier. The scene is captured in a cinematic, slightly desaturated style.

ИГОРЬ ПОЛЬСКИЙ

Travel Story. Книги для отдыха

Игорь Польский

**Пилигрим: дневники
начала конца света**

«ЭКСМО»

2020

УДК 913(485)
ББК 26.89(4Шве)

Польский И. В.

Пилигрим: дневники начала конца света / И. В. Польский —
«Эксмо», 2020 — (Travel Story. Книги для отдыха)

ISBN 78-5-04-116659-5

Это история удивительного путешествия по острову Готланд в Балтийском море, о необыкновенных людях, которые встревожены проблемами современности и стремятся создать более гармоничный путь развития общества. «Пилигрим» расскажет о судьбах таких разных и удивительных людей, поделится размышлениями о жизни и развитии, покажет живописные красоты окружающей природы и тонко подметит столь романтические детали быта пилигримов и автостопщиков с разных концов света. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 913(485)
ББК 26.89(4Шве)

ISBN 78-5-04-116659-5

© Польский И. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	6
Как я не стал писателем	6
Пилигрим	9
Ансбака I	15
Война	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Игорь Польский
Пилигрим: дневники начала конца
света. Что заставляет людей менять
комфорт городов на единение с природой?

Посвящается Мие

Что заставляет людей менять комфорт городов на единение с природой?

© Польский И.В., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Лето

Не хотелось бы все это преувеличивать, но мне, черт возьми, нравится этот девятилетний мальчишка, кем бы он ни был. Без него я бы не выжил и не писал бы сейчас предисловие к этой книге.

Рэй Брэдбери.

Как забраться на древо жизни, кидаться камнями в себя самого и спуститься на землю, не сломав себе шею и не сломав дух

Как я не стал писателем

Читая крохотную книжечку Брэдбери о том, как большой писатель на самом деле обязан всем маленькому мальчику, я вспомнил о собственном детстве и о печатных машинках. Брэдбери помнил, как сосал мамину грудь, у меня же не осталось воспоминаний из раннего детства. Но печатные машинки... да, печатные машинки я хорошо помню. Их было две. Одна была у дедушки Леша и бабушки Вали, электрическая, у которой клавиши нажимались так приятно, что сам процесс оказывался важнее результата. Собственно, только процесс я и запомнил: я плакал, если мне не разрешали посидеть за этой машинкой, но ума не приложу, о чем рассказывала миру выходящая из машинки бумага.

Другая машинка как сокровище хранилась у бабушки Маши и была совсем иного рода: старая, механическая. Для того чтобы напечатать слово, нужно было с большим усердием стучать по клавишам маленькими пальцами. Если удар получался недостаточно сильным, буква оказывалась бледной или не оставляла следа вовсе. Может быть, именно из-за того, что эта машинка поддавалась мне с таким трудом, я куда лучше помню, что именно я на ней печатал (пальцы ведь часто помнят лучше, чем глаза, язык и уши). А печатал я вот что: брал старый дедушкин «Атлас офицера» со звездой и открывал первую страницу. Смотрел на условные обозначения и отпечатывал на бумаге «Смешанные леса». Затем пересчитывал значки смешанного леса на первой карте атласа и вбивал, например, «34», после чего следовал следующий значок из условных обозначений, следующее число, а когда все значки из условных обозначений были пересчитаны и инвентаризованы, можно было перелистнуть страницу и начать делать то же самое с новой картой – это была награда. Я никогда не начинал работать с середины атласа, а упорно шел страница за страницей (эта ужасная склонность к последовательности сохранилась во мне до сих пор)... я не помню точно, но, думаю, не сильно сойду, если скажу, что я произвел «учет» не более пяти карт, в то время как в атласе их было несколько сотен. Бесконечность этого труда меня не пугала (кажется, и это сказалось в дальнейшем: я легко начинал большие романы, но ни одного еще не дописывал до конца). Такой «учет» и работа за печатной машинкой были столь увлекательны, что иногда я готов был забыть и о биологических потребностях, включая походы в туалет, что пару раз привело к досадным казусам в раннем детстве (печатать я стал гораздо раньше, чем пошел в школу). Теперь вы видите, что с раннего детства я любил печатать, но то, ЧТО я печатал, свидетельствует скорее о том, что мне стоило стать бухгалтером или каким-то учетчиком, а не писателем (увы, в 13 лет, когда меня впервые обуяла писательская горячка, я не задумывался об этом, а ведь мог бы уже тогда понять, что писателем мне стать не судьба). Когда я проводил время со старой печатной машинкой у бабушки Маши, я считал себя пятилетним «вундеркиндом» и думал, выстукивая очередное условное обозначение из дедушкиного атласа (настолько тяжелого и большого, что я до сих пор поднимаю его с трудом), что стану ученым, «профессором»...

В сущности, Брэдбери прав. Почти все свои удачи и неудачи мы можем объяснить, заглянув в детство. Нельзя ли разглядеть причины моих неудач на писательском поприще уже в том пятилетнем возрасте и печатных машинках? Что такое печатная машинка? Можно сказать, это что-то устаревшее. Настолько же устаревшее, как ремесло писателя. Я не хочу сказать, что современной литературы не существует, но, согласитесь, с появлением интернета, кинематографа и постструктурализма позиция автора (такого, который когда-то мог написать «Войну и мир» и прославиться в первую очередь содержанием своих книг, а не тем, что по ним сняли «Игру престолов») несколько пошатнулась. Конечно же, появились новые авторы и совсем другие позиции. Например, блогер. Блогеры – герои нашего времени. Но моя проблема в том, что я так и остался со старой печатной машинкой (пусть ее и заменили компьютер и программа «блокнот», которые тоже успели устареть). Перебирая пыльные дедушкины книги, я продолжал печатать, как будто бы ничего не произошло. У меня до последнего не было аккаунта в «Фейсбуке», и я не зарегистрирован в «Инстаграме». Меня никогда не привлекала идея вести «Живой журнал» или писать для интернета. Литература для меня нечто, к чему можно прикоснуться, поднявшись на второй этаж читального зала и вынув с полки неизвестную или же, наоборот, слишком известную, ставшую опасно понятной книгу...

Но есть и еще кое-что. Я уже говорил, что с 13 лет меня иногда посещали приступы писательской лихорадки. Пару раз я даже начинал писать романы, но мне ни разу не удалось не то чтобы закончить хотя бы один из них, но даже просто продолжить писать. Впрочем, также я не продвинулся далеко и в инвентаризации дедушкиного офицерского атласа... Фактически эти «романы» состояли исключительно из начала, но, начав, я никогда не мог выразить четкую идею и развить сюжет, и мои замыслы были похожи на сотни дедушкиных карт из середины атласа, о которых я знал только, что они есть, что они яркие, большие и интересные, но не более того. Одним словом, романы, так же как и карты, мне не дались... Зато с короткими формами, с рассказами, дело пошло гораздо лучше. Я написал первый и единственный сборник рассказов, будучи подростком, и назвал его «Сказки для детей старшего школьного возраста». Рассказы эти до сих пор нравятся мне, но сборник так и не увидел свет, не считая пары чувствительных комментариев на устаревших сайтах с названиями вроде proza.ru. Надо ли говорить, что в то время меня не особо заботила судьба моих рассказов – важно было писать. Если чей-то отзыв и имел для меня значение, то это был отзыв девушки, к подъезду которой я приходил солнечным утром со стаканчиком мороженого после бессонной ночи, проведенной с кофе перед компьютером. С гордым видом я вручал девушке распечатку нового рассказа. Эта проза была как поэзия, и этот период был единственным в моей жизни, когда я мог писать о любви...

Но вскоре, почувствовав то ли «подставу», то ли опасность любви для творчества, или же что-то внезапно стало для меня более важным, как бы там ни было, я оставил рассказы о любви, и поэзию, и девушку, и всю мою подростковую жизнь (которую, кстати говоря, я так любил и с которой прощался так упоительно). Я вознамерился, кажется, кем-то стать. Кем-то совсем другим. А пока бродил босиком по ночным улицам, днем играл и дурачился, втайне планируя побег. С собой я взял одну книгу, сыгравшую немаловажную роль в истории того, как я не стал писателем. Это была «Планета людей» Антуана де Сент-Экзюпери. Не зная о нем почти ничего, во время одной из своих бессмысленных прогулок я забрел в книжный магазин, и эта книга мне подмигнула. Я сразу же купил ее и отложил в сторону, не открывая. Почему-то я знал или чувствовал, что в этой книге мне встретится что-то новое и важное. Я понимал, что именно ее я возьму с собой в новую жизнь, когда решусь на побег. Так и случилось. «Планета людей» сменилась «Цитаделью», за Экзюпери последовал Ницше, любовь сменилась философией.

Вскоре я написал свою вторую книгу – «Дневники ускоренного города», посвященную наблюдениям за большим городом. Мой план стать писателем был до крайности прост – нужно было лишь написать хорошую книгу. Тогда я доверял Экзюпери безгранично, а тот писал,

что по-настоящему нужная книга сама находит себе дорогу, даже если выйdet в паре десятков копий. Решив перестраховаться, я издал 300 экземпляров по методу «самиздат» и распространил их в течение пары лет. Я получил множество отзывов. Одно маленькое литературное агентство даже решилось издать мою книгу. Но не издало. Я ждал, что стану писателем, но этого не случилось. Делать же что-то специально ради этого я считал излишним, ведь «нужная книга сама найдет себе дорогу». Раз моя книга не нашла этой дороги (по крайней мере, достаточно широкой, чтобы удовлетворить мое самолюбие), значит, она не нужна. Да и кто теперь читает книги? Их и так слишком много написано, и многие писали лучше меня, думал я и приходил к выводу, что книги не могут ничего изменить, что нужно не писать, а действовать.

Последующие годы я действовал ради и с целью изменить общество, а затем стал описывать эту самую бурную деятельность. По ходу родилась новая книга «Дневники альтернативной культуры», которая описывала культуру настолько противоположную существующей, что публикация такой книги даже в интернете выглядела на тот момент опасной затеей. На этот раз вместо 300 экземпляров я ограничился пятнадцатью и раздал их героям моей книги, тем, про кого она написана. И все. Если настоящий писатель постепенно бы увеличивал свою аудиторию, то я сократил ее до горстки людей и продолжал менять мир не словами, а делом...

Остается добавить лишь, что прошло еще десять лет, что мир остался тем же, а я, собираясь несколько дней назад в большое путешествие, получил от друзей неожиданный подарок – сборник статей Рэя Брэдбери под общим названием «Дзен в искусстве написания книг». Я сижу сейчас под старыми каштанами в то время, как надо мной сгущаются тучи. Из книги Брэдбери я понял, что те десять лет жизни, которые я посвятил изменению мира, юный Брэдбери посвятил написанию (в основном посредственных) рассказов и только спустя десять лет действительно научился писать. Десять лет, которые я занимался чем-то другим...

Начинается дождь, каштаны качаются, я смотрю на мир, который я не смог изменить и который ничуть от этого не стал хуже, и думаю, даст ли мне жизнь еще один шанс? Хватит ли у меня решимости? И нужны ли еще кому-нибудь печатные машинки?

Пилигрим

Наша любовь разорвет этот мир пополам...

Рома ВПР.

Пополам

Солнце садится за деревья и крыши домов, окрашивая облака расходящимися полупрозрачными лучами, на фоне которых выделяется черный шпиль старинной церкви. Когда-то викинги построили здесь множество церквей. Во времена Ганзы, крупного политического и экономического союза торговых городов Северо-Западной Европы, они торговали со всей существующей на тот момент ойкуменой, и новгородские купцы приплывали сюда, вливаясь в разноголосый поток портовой жизни. Местные жители были настолько богаты, что приглашали знаменитых итальянских архитекторов, чтобы построить самую красивую церковь именно в своем селе. Здесь до сих пор вспоминают какого-то русского художника, расписавшего несколько церквей...

Я сижу на ступенях низкой бетонной лестницы у открытой двери, из которой просачиваются звуки русского регги: песни Ромы со словами, понятными только мне. Поток моих размышлений и созерцание заката прерывает Хуанма. Он возникает из двери, низкий, смуглый и кряжистый, как человек эпохи палеолита, и говорит: «All is ready»¹, подмигивая и улыбаясь. Хуанма весь вечер колдовал над вчерашней картошкой, превращая ее в «тортилью». Нехорошо заставлять его ждать и позволить тортилье остыть, так что я послушно убираю Керуака и ноутбук и поднимаюсь по лестнице. Воздух уже прохладный (по ночам здесь холодно даже в ясные летние дни), но бетонные ступени сохранили солнечное тепло и охотно делятся им с моими босыми ногами.

В конце концов только в лесу приходит эта ностальгия по «большим городам», вроде Парижа, с их мягкими вечерами, мечты о долгих серых путешествиях от мегаполиса к мегаполису, и благодаря первобытной невинности лесного здоровья и покоя забываешь, как все они утомительны... Но я говорю себе: «Будь мудр».

Джек Керуак.

Биг-Сур

Тортилья определенно удалась. Когда я увидел ее посреди стола среди белоснежных тарелок, над которыми дожидались ужина (и меня) «пилигримы», я пожалел, что над накрытым столом не возвышается бутылка красного вина. Сегодня во время нашего длинного пути я пересказывал Хуанме свою работу о радикальной критике цивилизации, а теперь мне показалось, что цивилизация не так уж и плоха. После нескольких дней, когда скатертью была зеленая трава или песчаный пляж, после недели холодных летних ночей в палатке – двухэтажный домик с белоснежной посудой и центральным отоплением, возникший на нашем пути неизвестно откуда у края очередной деревни, так умиротворяет... Эти пять человек, собравшиеся вокруг стола, когда я впервые их увидел вчера, показались мне странными. Они и сейчас кажутся мне не от мира сего и чужими, но этот квадратный стол, стулья, посуда и тортилья из вчерашней картошки и яиц неожиданно делают этих людей моими братьями и сестрами. Ужин – это таинство, тайная вечеря, и, кажется, благодатью наполнено все вокруг. Я сажусь за стол с прямой спиной и складываю руки вместе, на секунду прикрывая глаза. Жаль, что среди нас нет ни одного религиозного человека и никто не прочитает молитву – сейчас это было бы так уместно...

---

¹ Все готово (англ.).

Мария словно прочитала мои мысли о вине, сообщила, что у нее болят мышцы ног, и попросила у Йенса немного виски (сегодня он рассказал, что у него в рюкзаке имеется совсем немного «for the long rainy day»²). Чуть позже и я сообщил, что сейчас принесу ягер³, бутылочку которого купил еще в Duty free на случай долгого дождливого дня, и у меня есть два повода ее открыть: во-первых, я – русский; во-вторых, сегодня я начал писать.

Я разлил ягер на четыре стакана и удивился, что его так мало (бутылочка стоимостью в 2 евро была пуста, напиток едва прикрывал доньшко каждого из стаканов). Еще немного, и мы объявили, наконец, долгий дождливый день и разлили виски. Этого все равно недостаточно, чтобы даже едва захмелеть, но сегодняшняя вечер, безветренный закат, шпиль древней церкви и квадратный стол с белоснежной посудой определенно требуют жертвоприношения, ритуала, причастия. Я рад, что все происходит именно так. И что эти люди, странные, чужие люди, половину слов которых я не понимаю, внезапно становятся мне братьями и сестрами, напоминая о том, что у нас когда-то были общие прародители.

Все, что я пишу, складывается в одну большую сагу вроде прустовской, с тем отличием, что мои воспоминания зафиксированы на бегу, а не много лет спустя больным в постели.

Джек Керуак.

Сур

Я прибыл на остров вчера. На пароме я встретил Марию, чуть полноватую шведку с огромными глазами в больших очках, симпатичную, но странную. Она поразила меня своей откровенностью и прямолинейностью. После пяти минут знакомства я уже знал, что она полнеет по причине потребления антидепрессантов, но это, по ее наблюдениям, не единственный «side effect»⁴. Судя по витринам аптек, в России такие препараты тоже пользуются спросом, но я не встречал никого, кто говорил бы такие вещи в лоб при первом знакомстве. Роберт спросил, взяла ли Мария эти таблетки с собой, и та утвердительно кивнула, после чего сказала, что такие таблетки прописал ей доктор, поставив какой-то диагноз. Помолчав минуту, она добавила, что недавно смотрела документальный фильм, разоблачающий шведских врачей: они связаны с фармацевтическими компаниями и ставят людям ложные диагнозы (а иногда придумывают новые для увеличения продаж), прописывая дорогие таблетки. От таблеток люди полнеют, становятся спокойными и добропорядочными. И немного странными.

Пластиковые окна парома исказили удаляющиеся от нас портовые постройки. Мы удалялись от берега, стабильный интернет становился все слабее. Сидя за пустым столом ресторана, подключившись к розеткам, мы с Робертом стучали по клавишам, пока сигнал не пропал вовсе. За окном сияло солнце, отраженное в тысячах маленьких волн. Роберт спросил (воспользовавшись тем, что Мария вышла), заметил ли я, что она как будто пропускала части беседы, как будто не понимала часть того, что мы говорим.

– Может быть, плохой английский? – предположил он.

– Нет, я думаю, это тоже «side effect», – заключил я, хотя не мог бы привести ни одного довода в пользу этого заключения. – Скажи, правда ли, что по Швеции недавно прокатилась суицидная волна среди молодежи?

– Я бы не сказал, что была какая-то «волна», – Роберт оторвал взгляд от макбука и посмотрел на меня, – но самоубийств действительно много.

– А правда ли то, что она рассказала: если человек на улице Швеции начинает кричать на кого-то, его считают сумасшедшим или сдают в дурку?

---

² Для долгого дождливого дня (англ.).

³ Jägermeister (нем.) – алкогольный ликер.

⁴ Побочный эффект (англ.).

– Ну... – начал Роберт, поколебавшись, – сложно сказать, не зная, о какой именно ситуации она вела речь. Но, в общем, да, шведы любят спокойствие и любыми способами избегают конфликтов. В Италии люди на улице могут орать друг на друга часами. В Швеции это считается ненормальным, все должны вести себя прилично.

Вот это настоящее безумие. Неудивительно, что они плохо заканчивают или полнеют. И становятся немного странными.

На палубе было солнечно и ветрено. Мое тело не могло понять, жарко ли из-за солнца или холодно из-за ветра. Молодежь разлеглась на палубе, положив головы друг на друга. Я рассказывал Марии, что курю только в компании курящих людей: «I am a social smoker»⁵. Это хороший повод для того, чтобы «стрелять» у людей сигареты. Дома я это делаю без зазрения совести, но здесь я чувствую, что это ненормально, так что приходится искать поводы. Впрочем, без лишнего хвастовства могу сказать, что в этом я настоящий мастер.

– Думаю, что это правда, насчет таблеток и докторов. То есть я не знаю, как это в Швеции, но так, похоже, везде... – вернулся я к прошлой теме – И, главное, что эти таблетки не помогают. Депрессия возникает не из-за отсутствия таблеток, а из-за неправильных условий и установок в жизни. Тело напоминает о том, кто ты, и что пора что-то менять.

– Да, точно, – соглашается Мария, затягиваясь. – Нужно менять условия жизни.

– И, знаешь, мне кажется, – продолжил я, – что в походе тебе не нужны таблетки. Можешь их выбросить.

– Да, думаешь, я могу их выбросить? – Ей явно нравилась эта идея, и она, похоже, сама об этом думала, но все-таки не решалась...

Сойдя с парома, Мария села в грузовик Роберта, заняв мое место, а для меня с того же грузовика сняли велосипед. Но его кодовый замок не поддавался, и Роберт долго не мог понять, в чем дело, а потом ругался по телефону: «Когда живешь в сообществе, ни в коем случае нельзя менять кодовые замки на велосипедах. Когда один велосипед используют 20 человек, это вызывает много проблем».

Я рад, что Мария решила поехать в машине. Она спрашивала меня, «не будет ли мне одиноко на велосипеде», а я не знал, как помочь ей расслабиться и объяснить, что с велосипедом я буду счастлив в любом случае... и что одному мне все-таки спокойней. Я доверяю людям, но ехать на велосипедах впервые по незнакомому острову, не зная точной дороги, со шведкой на антидепрессантах – это слишком. На подъеме грузовик Роберта проносится мимо, сигнала, и Роберт машет рукой. Я снова один. Один я спокоен, уверен и окрылен. Велосипед несется, как птица. Бетонные велодорожки удивительно хороши. Спуск, подъем, тоннель, поворот. Береговая линия – отличный ориентир, потеряться невозможно. Но как найти их экосообщество? Здесь каждый двор выглядит как экопоселение...

«Suderbys». Это похоже. Поворачиваю, вижу шведские флаги, стриженный газон, особнячки в классическом стиле и ровный асфальт. Никого нет. Это гольф-клуб? Разворачиваюсь и еду дальше. Вскоре вижу геоупол. Ветряк. Название поселения, составленное на стене дома из сухих древесных корней. Сюдербин. Я на месте.

Сюдербин выделяется среди старомодных готландских деревенок, как поселение пришельцев, прилетевших на другую планету вместе со своими зелеными технологиями. И в каком-то смысле так оно и есть. Первым пришельцем был Роберт, неугомонный путешественник, американец, которого я встретил сначала в России, потом в Германии и вот впервые ока-

---

⁵ Я социальный курильщик (англ.).

зался у него дома, в экопоселении на острове, окруженном Балтийским морем. Как его занесло сюда?

Это долгая история, всех подробностей которой я не знаю, но началась она с того, что подростком Роберт покинул Соединенные Штаты, чтобы увидеть свет. В Швеции он учился, встретил свою жену Ингрид, вместе они путешествовали и работали то в Индии и Шри-Ланке, то в Южной Америке, то в Испании и Португалии, Албании и Украине. Многие годы Роберт работал с ООН, со шведскими министерствами, организациями гуманитарной помощи и пытался сделать мир более мирным и устойчивым местом, пока не осознал, что система от его усилий не меняется и что люди говорят правильные вещи, а на деле играют по старым правилам, которые очень сложно изменить изнутри. Тогда Роберт решил, что для создания чего-то действительно экологичного, для жизни, не основанной на насилии, нужно построить эту жизнь заново, на других основаниях, и потом показать миру. Для создания такого прототипа другой, более устойчивой и менее насильственной жизни нужно было найти место, и Роберт и Ингрид остановили свой выбор на острове Готланд, где когда-то родились их сыновья. Так появился Сюдербин, расположенный в одноименной местности прямо напротив старой военной базы.

Следующие 10 лет сюда приходили люди в поисках практического ответа на вопрос о том, как мир или, по крайней мере, собственная жизнь, могут быть устроены иначе. Как именно иначе? Сложно сказать, так как у Сюдербина изначально не было общего духовного или идеологического центра, не было готовых ответов. Скорее Сюдербин стал лабораторией для экспериментов, площадкой, где можно попробовать различные ответы в реальности. Конечно, с течением времени в поселении сформировалась некоторая общая культура, но она эволюционировала и менялась вместе с составом живущих здесь сюдербинцев, насчитывающих в разные годы от нескольких поселенцев до нескольких десятков человек. Сейчас здесь очень мало людей, рожденных на острове или вообще в Швеции, зато целый котел из людей, языков, культур и цветов кожи со всего мира.

Входя во двор поселения, здороваюсь с русскими и украинцами по-русски, а с французами и шведами по-английски. Эрик, сюдербинец, который собирается везти нас с Марией дальше, куда-то запропастился. Одни говорят, что он возится в теплице с помидорами, другие говорят, что он застрял в туалете, а третьи – что он ужинает (хотя мы вроде как собирались поужинать вместе с пилигримами, когда доедем до них). Мария в очередной раз называет поселение экофермой и немного не догоняет суть дальнейшего плана действий. Я тоже не догоняю, но советую следовать привычной стратегии путешественника, состоящей из трех пунктов: «Don't worry. Don't be in a hurry. Just wait»⁶.

Ты не можешь улучшить мир, просто разговаривая с ним. Чтобы философия была действенной, она должна иметь возможность быть механически примененной.

Ричард Бакминстер Фуллер

Пока Эрик заканчивает свои дела, чем бы он там ни занимался, заносу лишние шмотки в комнату Алисы и отправляюсь на разведку. За теплицей – большой фуллеровский купол, входом в который служит что-то типа тамбура, внутри которого – бетонный пруд, собирающий дождевую воду, падающую на купол. Пройдя по деревянному мостику, попадаю внутрь геокупола и чувствую, как бетонный пол отдает накопленное за день тепло. Должно быть, пол будет отдавать тепло солнечных лучей всю ночь, как большая русская печь. По периметру купола зеленеют растения, тут и там виднеются учебные таблички со схемами смешанной посадки овощей (наверное, здесь проходят экскурсии или занятия по пермакультуре), а в центре странного вида агрегат с кучей отходящих от него труб. Это «Biogas digester», догадываюсь я, чудо-

---

⁶ Не беспокойся. Не торопись. Просто жди (англ.).

штука, которая из органических отходов делает биогаз, который сюдербинцы используют для готовки и отопления домов, а получаемый в результате концентрированный раствор удобрений снова возвращают в огород. Это замкнутый цикл, один из практикуемых в Сюдербине наряду с компостными туалетами и круговоротом воды в поселении. Оба местных автомобиля тоже ездят на биогазе, но на биогазе с заправки, а не собственного производства (собственный биогаз для машины не годится, его для этого нужно еще очистить). На этих двух общих машинах ездят по очереди и не слишком часто: каждый житель Сюдербина, беря машину, должен заплатить сообществу за ее использование. Все это я узнал за первые полчаса пребывания. Предварительная разведка на этом окончена, диагноз ясен.

– It looks like a crazy ecotechnology lab⁷, – говорю я Эрику, вышедшему мне навстречу.

– Well, it is. Actually, it is a perfect description⁸.

Выглядит как безумная лаборатория экотехнологий.

Эрик высокий и нескладный как будто немного вытянутый (мне почему-то думается, что с рождения) и с очень большими руками. Он – главный местный специалист по помидорам. И сразу видно, что человек добрый. Такой не откажется помочь и нуждается в человеческом тепле. Он немного жалеет, что пообещал нас подвезти, но слишком добр, чтобы передумать. Мы принимаемся поливать его помидоры дождевой водой, собранной в металлические контейнеры, после чего Эрик идет собираться, а мы с Сережей, Марией и французом, имя которого я пока не запомнил, стоим и треплемся во дворе. Мария с французом говорят по-французски, а Сережа, перевоспитанный Швецией, пытается говорить со мной по-английски, чтобы другие тоже могли нас понимать. Я все еще не воспитан и говорю: «They will talk French. We will speak Russian»⁹. Сергей явно рад меня видеть, хотя мы почти не знакомы. Мне так кажется. Вдали от дома люди, приехавшие из близких мест, становятся как бы родными. Мне так кажется...

Машина на биогазе едет как самая обычная машина, за окном морской закат и на его фоне – лопасти ветрогенераторов. Я пытаюсь спать, Эрик рассказывает про помидоры, Мария с французом болтают. Каждые пять минут она в своей настойчивой манере, как бы не догоняя, предлагает воспользоваться своим планшетом с Google maps. Эрик и француз отказываются, навигируя по старой порванной карте.

Сворачиваем с прибрежной дороги и едем с запада на восток. Западное побережье Готланды – туристическая зона, восточная – захолустье. Ни у меня, ни у Марии почти нет денег, и это к лучшему. Час пути, полчаса плутаний, и мы на месте – в знаменательном местечке Ставгард. Еще одно доказательство богатства древних викингов. Лет сорок назад здесь был детский лагерь, на распаханном поле мальчик засунул руку в кроличью нору и вытащил оттуда серебряную монету. Потом достал еще. И еще. Учителя не поверили ему. Потом один все же решил проверить, и очень удивился. Фермер пахал здесь трактором, но не нашел этих сокровищ. А мальчик нашел. Засунув руку в кроличью нору, как в «Алисе в Стране чудес», он нашел монеты разных древних народов, из разных древних государств, городов, близких и далеких, таких как Самарканд. Из-за таких историй на Готланд запрещено привозить металлоискатели, но все равно все перекопано, и многие кладоискатели предпочитают нарушить закон, но не делиться с государством. Но учителя – люди честные, и найденные сокровища вскоре были сданы государству, а часть от их стоимости пошла на строительство небольшой деревеньки в стиле железного века – для детских лагерей и туристов. В большом доме, имитирующем жилища древности, общая спальня, посреди комнаты вместо печки – костер на камнях, дом утоплен в землю, и на крыше растет трава...

---

⁷ Выглядит как безумная лаборатория экотехнологий.

⁸ – Ну, это она и есть. На самом деле, это идеальное описание (англ.).

⁹ Они будут говорить по-французски. Мы будем говорить по-русски (англ.).

Когда мы приехали, было уже темно и прохладно. Несколько человек стояли вокруг костра, обложенного камнями, и ели мясо овцы, приобретенной у соседнего фермера и приготовленной на костре, запивая холодной водой из глиняных кружек. Совершенно в духе железного века. Дополнял картину полураздетый Хуанма, испанский художник, неизвестно каким ветром занесенный на север, со странной дикцией и плохим английским (сперва показалось, что он сумасшедший или глуповатый, но это только внешность и дикция). Невысокий, кряжистый, всклокоченный и с живыми глазами, он поприветствовал нас и пригласил к трапезе, поблагодарив Эрика за то, что тот привез «новых пилигримов». «Пилигримы»... кажется, я встречал это слово только в книгах. И вот неожиданно я осознал, что буду идти пешком много дней рядом с этими непонятными мне шведами, немцами и датчанами под руководством сумасшедшего испанца, сошедшего со страниц первых глав учебника истории для 5-го класса про Древний мир, и что я теперь – пилигрим.

Хуанма полураздет, как и полагается человеку раннего неолита. Чашка оставляет на столе кофейные круги. Две мухи летают по кухне, но мы уже все доели и прибрались, ловить им особо нечего. Остались только кофе и иван-чай с ромашкой. Сегодня мы собирали травы для чая по дороге, и Хуанма спросил, не биолог ли я. Удивительно, что здесь нужно быть биологом, чтобы делать травяной чай. Впрочем, это не самое странное...

Ансбака I

Мое путешествие по Швеции началось с аэропорта Арланда, где я с двух часов ночи ждал автобус, а потом обнаружил, что наличными здесь нельзя заплатить даже за этот самый автобус – все здесь перешли на безналичный расчет. В итоге меня выручила женщина из Армении, которая заплатила за меня карточкой, а я отдал ей 10 евро монетками...

В Стокгольме проводил до метро армянку и еще какого-то парня из местных, у которого есть сигареты, но нет зажигалки. Парень давно не был дома, долгое время он мотался по Таиланду и прочей Азии. Проводив их до метро, жду открытия касс и, припоминая, что туалеты здесь, на вокзале, платные, иду прогуляться по городу. Летом на севере в пять утра солнце сияет всюду, и я кружу среди сияющих старинных шпилей и современной постмодернистской архитектуры. Все двери в Стокгольме открываются сами собой, когда к ним подходишь. На вокзале полно бездомных, у ступеней закрытого магазина спят смуглые, завернувшиеся в одеяло люди, похожие на беженцев. Но утро прекрасно: прохладный воздух, ярчайшее солнце освещает странную башню из полупрозрачных кубов, заливают улицы между строениями из стекла и металла, отражаясь и играя в них, как в калейдоскопе. Закрытые кофейни, ресторанчики, книжные магазины... Одна из улиц украшена странного вида медузами, как будто парящими в воздухе, а эскалатор на вокзале едет мимо шаров-атомов, соединенных в структуры-молекулы, меняющие свой цвет по ходу движения. В центре в такую рань только нетрезвая молодежь, выходящая с затянувшихся вечеринок, африканцы с дредами, что-то обсуждающие и поглядывающие в разные стороны, и группы полицейских в ярких салатных жилетках. Хотел было подойти к растаманам, спросить о чем-нибудь, но засомневался: незнакомый город, незнакомая культура, мало ли что им взбредет в голову... Однако мой удивленный и вопросительный взгляд, огромный рюкзак и сандалии не остаются без внимания: один из африканцев окликает меня и спрашивает, все ли у меня в порядке. «Yes», – говорю я и машу ему рукой. Иду каменными лестницами и переулочками, желая выйти на набережную.

С открытием касс ситуация не становится проще. Мало того что автоматы принимают только безнал, но и единственная купюра в 500 шведских крон, которая у меня с собой, оказывается недействительной, в этом году шведы заменили все свои деньги и месяц назад перестали принимать купюры старого образца. В выходной день банки открываются поздно, и я брожу туда-сюда еще два часа, не зная, что делать. Но, как известно, язык до Киева доведет, и мне помогает один из работников вокзала, который по своей карте покупает мне билеты на автобус, а я возвращаю ему их стоимость в евро. В автобусе сплю, читаю, пишу, и в городе с названием из «Игры престолов» – Вестерос – у меня пересадка. До отправления второго автобуса час, и я прогуливаюсь по местному газону с разбросанными по нему большими старыми деревьями (у каждого дерева – табличка, что-то о нем сообщающая по-шведски). Прохожу мимо старой городской башни и более современного вида колокольни (понимаю, что это колокольня, только когда она начинает звонить). Замечаю в кроне одного из больших деревьев аккуратный домик, где-то три на два метра, с дощатым полом, стенами, окнами и крышей... Все как положено, только на высоте 15 метров и без всякой лестницы – как же туда добраться по такому гладкому стволу?

Спускаюсь к реке, доедаю остатки аэрофлотовского завтрака, делаю пару фотографий камней и дерева с темно-фиолетовой листвой.

В Карлстаде, куда меня привозит второй автобус, та же ситуация, евро не принимают, старые кроны не принимают, карточки у меня нет. Иду в банк, но там такая очередь, что на третий и последний автобус я уже не успею. Так и не воспользовавшись услугами банка, иду по этому небольшому городу обратно на вокзал и встречаю там характерного вида экопоселен-

цев из Финляндии. Сату, высокая финка с широкой улыбкой и длинными светлыми волосами, убранными в хвост, покупает мне билет, а я в очередной раз расплачиваюсь с помощью евро... И вот мы в автобусе, рядом со мной садится шведка средних лет в очках и с сумочкой в цветочек. Внезапно она замечает, что я читаю Брэдбери на русском, и оказывается, что она вовсе не шведка, хотя переехала сюда уже довольно давно. Узнав, куда я еду, женщина меняется в лице, прищуривается и с очень странным выражением говорит: «Знаю я это место... знаю я ваши конференции... по телевизору показывали». Тут и я вспоминаю, что получал когда-то рассылку из европейских экопоселений, приглашавшую на семинары по тантре, интимной близости, полиамории и чего-то типа свободной любви. Вероятно, что-то такое и «показывали по телевизору», и убедить женщину, что я еду вовсе не за этим, так и не получается. На прощание она говорит мне многозначительно: «Желаю хорошо провести время!»

Вместе с финнами проходим километр от автобусной остановки, и я вижу на парковке небритых «секьюрити» конференции с длинными волосами и розовыми сердечками на светло-салатовых жилетках (такие же жилетки были на полицейских в Стокгольме). «Вы на семинар по тантре?» – подшучивают они, желая убедить нас, что никакой экоконференции здесь нет. Смотрю на этих бравых ребят с сердечками и понимаю, что могло смутить женщину в автобусе...

Входя на территорию Ансбаки, экопоселения и ретрит-центра, не желая сразу погружаться в суматоху конференции, я сажусь на лужайке под старыми каштанами, медитируя и здороваясь с редкими знакомыми лицами, проходящими мимо. Под влиянием книжки Брэдбери начинаю писать, еще не зная, что из всего этого выйдет, медитирую на солнышке, наслаждаюсь мгновением покоя и неизвестности, наблюдая, как медленно начинают сгущаться тучи...

Нужно решить вопрос с регистрацией на конференцию, и я в третий раз захожу в синий одноэтажный домик с надписями на разных языках, чтобы найти там некую Катерину, с которой я переписывался перед отправлением. По идее я пользуюсь правом делегата не платить за участие в конференции, но должен заплатить за питание и проживание (в своей собственной палатке) столько, сколько я зарабатываю за месяц. Еще в Москве я еженедельно бомбардировал организаторов письмами с разными предложениями типа: записаться волонтером; привезти с собой килограмма два гречки или отказаться от питания, заплатить тысячу крон вместо двух с половиной... Они, похоже, не знали, что со мной делать, так как ни на одно предложение не ответили. А решилось все довольно неожиданно, появилась какая-то женщина, которая дала денег для конференции, просто на случай, если кому-то они понадобятся. Я даже не знаю, как ее зовут, но ее деньги идут на оплату моего питания, и я получаю браслет, дающий право на следующие 5 дней забыть о деньгах и жить, ни в чем себе не отказывая, в игрушечном мире хиппи и экопоселенцев, дружелюбных и доброжелательных вегетарианцев, строящих альтернативную реальность и занимающихся саморазвитием. Добро пожаловать на ежегодную конференцию экопоселений Европы...

Война

*Здесь нет войны, если только вы не принесли ее с собой.
«Звездные войны»*

В тот вечер, когда мы примкнули к пилигримам в Ставгарде, перед тем, как Эрик вернулся в свою эколабораторию полить помидоры, я спросил у него, как он понимает смысл похода, к которому мы с Марией присоединились.

– Смысл в том, чтобы взаимодействовать с местными жителями непринужденно, по-человечески, а не как туристы... – ответил Эрик, – и в том, чтобы Готланд стал местом встречи людей разных национальностей, местом мира, а не войны.

Готланд знаменит, среди прочего, расположенными на острове военными базами. Через дорогу от теплицы с помидорами Эрика разворачивается массивная подготовка к «Авроре 17» – шведским военным учениям с участием НАТО и предполагаемым врагом в лице России. На пароме Роберт сказал мне, что русские и белорусы тоже проводят учения под названием «Запад» и что русские и китайцы собираются проводить совместные военные учения в Балтийском море, где до этого китайские военные корабли, возможно, и не появлялись...

Я попросил Эрика захватить мою палатку в Сюдербин и положить ее в комнату Алисы. Хуанма сказал, что мы будем ночевать каждый раз на новом месте и что ни у кого нет с собой палатки. Конечно, в долгий путь лучше идти налегке, поэтому и свою палатку я брать не стал...

– Компьютер? – удивился Хуанма. – Ты уверен, что хочешь взять его с собой? Я пытаюсь избавиться от всего лишнего.

В ответ я сказал ему, что я вроде как писатель (еще не зная, что действительно буду писать) и что это необходимая для меня вещь...

Снова солнечно. Нежаркий летний день с легким ветерком – идеальная погода для пеших прогулок. На стене милого двухэтажного домика, где мы вчера вечером ели тортилью – значок Евросоюза и надпись, сообщающая, как мне сказали, что каждый, кто пользуется услугами этого заведения, поддерживает местное сообщество. Но, насколько я знаю, мы никого не поддерживаем, потому что ничего не платим... Хуанма – мастер дешевых путешествий, и это очень кстати.

Всю ночь меня беспокоили мухи. Я вспоминал книжку про путешествие белой девушки к австралийским аборигенам, про испытание мухами, которое она прошла, и после чего стала чиста и избавилась от запаха цивилизации. Я пахну несколькими днями пути, и эти мухи, похоже, тоже решили меня «почистить». Честное слово, я бы предпочел, чтобы здесь был душ, а не эти маленькие лапки, не дающие спать. В отличие от комаров мухи проворны как... даже не могу подобрать сравнение. Убить муху во сне невероятно сложно, и я не знаю никого проворнее этих маленьких тварей. Впрочем, несмотря на ночную писанину с растворимым кофе и назло мухам, я просыпаюсь вовремя и даже чувствую себя выспавшимся. Хуанма тоже держится бодро, хотя полночи не спал: ноги горели из-за крапивы (вчера, когда мы оказались в ловушке полей, покрытых поросшими крапивой рвами, испанец отважно прокладывал путь, используя свою палку как мачете, в то время как крапива коварно жгла его ноги ниже колен).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.